

УДК 316.647.8

ИСЛАМОФОБИЯ В ПОЛЬШЕ (на материале новейших социальных исследований)

К. Педзивиатр

Аннотация

В статье освещаются основные аспекты исламофобии в Польше – стране, где мусульманские общины составляют менее 0.1% населения. Раскрываются причины более высокого уровня антимусульманских настроений в польском обществе по сравнению с другими европейскими странами. Рассматриваются источники, формирующие упрощённый, искажённый образ ислама и мусульман в Европе в целом и в Польше в частности. Анализируются стратегии польских мусульман, связанные с преодолением негативного отношения к исламу и его приверженцам.

Ключевые слова: ислам в Польше, мусульманское общество в Польше, исламофобия.

«Стоп исламизации» и «Исламы на Исландию»¹ – это одни из самых приличных надписей, сделанных на заборе у здания Мусульманского Культурного Центра, построенного Мусульманской Лигой² в 2009–2014 гг. в Варшавском районе Охота. Перед тем как началось строительство, на ближайшем перекрёстке имени Сибирских ссыльных прошли многочисленные демонстрации протеста против возведения здания, которое должно, в частности, исполнять функции мечети. Организатором большинства демонстраций было Общество *Европа Будущего*³, заявляющее о том, что нужно «остановить развитие исламизма в Польше и Европе» и уравнивать каждую форму публичной версии ислама с «тоталитарным движением, вражеским для демократии». Социальные исследования показывают, что восприятие мусульман как людей, которые подвергают опасности «наш образ жизни» и «наши нормы и ценности», достаточно широко распространено в польском обществе. Страхи и опасения поляков сформулированы политиками на первых страницах газет. Одним из таких политиков является бывший министр юстиции Ярослав Говин, который в беседе с *Радио Зет* сделал следующий вывод о семейном кризисе в Европе и Польше: «Мы закончим как Рим, придут варвары, придут мусульмане, Европа станет исламской. Я уважаю любую религию, но хотел бы, чтобы Европа оставалась привязана к таким ценностям, как свобода личности»⁴ [3]. Результатом этих опасений являются, среди

¹ Выражение “Islamy na Islandie” основано на языковой игре и является аналогией лозунга “Polska dla Polaków” (Польша для поляков).

² Подробнее об этой организации см. [1].

³ Подробнее об обществе *Европа Будущего* см. на сайте [2].

⁴ Здесь и далее перевод автора. – К.П.

прочего, такие странные ситуации, как произошедшая в ноябре 2013 г. Тогда поезд Краков – Варшава был приостановлен после того, как одна из пассажирок заявила в службу безопасности, что в поезде «террорист». 59-летняя пассажирка пришла к такому выводу, когда увидела в поезде молящегося студента из Марокко [4]. Попытка поджечь мечеть в Гданьске в октябре 2013 г. и опустошение мечети в Кружиняне в июне 2014 г. всего лишь два примера, показывающие, что некоторые поляки от страха начинают совершать неправомерные поступки.

Мусульманское общество в Польше, хотя имеет многовековые корни, является одним из самых малочисленных в Европе. С момента поселения в XIV в. первых татарских групп и до 50-х годов XX в. почти всё местное мусульманское сообщество состояло из татар. После Второй мировой войны ситуация изменилась, когда, благодаря миграционным процессам и преобразованиям, разнообразие мусульманской общины стало быстро расти. Конечно, миграционные процессы, которые происходили в Польше до 1989 г., не могут никоим образом быть сопоставлены с тем, что произошло за Берлинской стеной, то есть с массовой экономической иммиграцией, результатом которой сегодня является свыше чем 5-миллионная мусульманская общественность во Франции, почти 4-миллионная – в Германии и около 3-миллионная – в Великобритании [5]. Несмотря на то что Польша под правительством коммунистов неофициально была «страной невозврата» [6, s. 10], люди находили способы покинуть страну, а в ПНР приезжали граждане мусульманских стран (в том числе Ирака, Иордании и Сирии), в первую очередь в образовательных целях [1]. Большинство из них покинуло Польшу после окончания вузов, но оставшиеся стали пионерами иммигрантской мусульманской общины в стране. После падения коммунизма приток мусульманских студентов, иммигрантов, бизнесменов и беженцев возрос. В сегодняшней Польше количество людей, называющих себя мусульманами и мусульманками, достигает около 35 000 [7], татары составляют до одной пятой этого сообщества [8]. Мусульманская община состоит из экономических и дипломатических мигрантов, бывших и нынешних студентов, бизнесменов, беженцев и не в последнюю очередь из польских мужчин и женщин, принявших ислам. Единственной этнической группой, входящей в состав этого общества, которая владеет статусом этнического меньшинства, признанного юридически, являются татары. Остальные члены мусульманской общины не имеют особого государственного статуса. Говоря об отношении поляков к мусульманской общине, стоит подчеркнуть, что исламофобия существует в стране не потому, что в ней проживают мусульмане, а прежде всего потому, что есть люди, у которых уже сами слова «ислам» и «мусульманин» вызывают страх и опасения.

Цель настоящей статьи заключается в представлении специфики польской исламофобии на основе новейших социальных исследований с количественным и качественным подходом. Кроме того, осуществляется попытка объяснить происхождение основных источников страхов и опасений поляков перед исламом и мусульманами, которые автор ищет как в эндогенных, так и в экзогенных факторах. В статье также показаны основные стратегии, позволяющие мусульманам, живущим в Польше, справиться с исламофобией. Источники, на которых основана статья, были собраны в ходе исследовательских проектов автора,

осуществлённых в последние годы и направленных на изучение мусульманской общественности в Польше, восприятия Турции поляками, а также на анализ интеграции иммигрантов в Малопольском воеводстве (последние в соавторстве с Яном Бжозовским) [7, 9].

Исламофобия и её размеры в польском обществе

Прежде чем мы определим размеры исламофобии, а также её характерные признаки в Польше, нужно понять значение ключевой категории и контекст её употребления. Одним из первых исследователей, который использовал термин *исламофобия* в сегодняшнем значении, был Алайн Келлин (*Alain Quellien*), упоминающий в своей книге 1910 г. [10] в разделе *L'Islamophobie*, что Запад характеризуется специфическим «предубеждением перед исламом». Хотя Эдвард Саид (*Edward Said*) в своей пионерской работе под заглавием «Ориентализм» не называл категорию исламофобии, он ясно показал, как Запад связывал с исламом отрицательные образы, чувства и стереотипы [11]. Следуя той же тропинкой, Жерар Деланти (*Gerard Delanty*) показал, как эти отрицательные общественные репрезентации ислама были использованы для разработки идей идентичности и европейской реальности [12].

За современную популяризацию термина *исламофобия* ответственен прежде всего британский аналитический центр *Runnymede Trust*. В 1997 г., то есть за четыре года до террористических атак на Всемирный торговый центр и Пентагон и начала «войны с террором», он опубликовал доклад «Исламофобия: вызов для всех нас», в котором обратил внимание на увеличение антимусульманских предубеждений в беспрецедентных масштабах. Его авторы определяют исламофобию как «ничем не обоснованную враждебность относительно ислама, а также практические последствия этой враждебности, которые проявляются в несправедливой дискриминации членов мусульманской общественности, в исключении их из главных дел политической и общественной жизни страны» [13, р. 4]. Кроме того, они отмечают, что упрощённые образы ислама идут рука об руку с убеждением о неизбежности конфликта между Западом и исламом. Это мнение основано на ряде ложных предпосылок, согласно которым ислам является статической и однородной религией, его нормативный аспект имеет очень мало общего с ценностями и практикой других культур (особенно Запада) и выражается в отчётливой неполноценности, а сверх того, в агрессии, насилии, жестокости и поддержке терроризма [13].

Хотя авторы доклада *Runnymede Trust* рассматривали антимусульманские предубеждения в Великобритании, но термин *исламофобия*, который они употребляли для описания этого типа предубеждений, быстро распространился в других европейских и внеевропейских странах со значительными мусульманскими меньшинствами. Однако это не означает, что все исследователи приняли его с энтузиазмом. Одним из критиков был автор книги «Ислам и миф о противостоянии» [14], который правильно заметил, что западные общества обеспокоены не абстрактной для большинства религией (ислам), а прежде всего её верующими. Вместо слова *исламофобия* он предложил использовать термин *мусульманофобия*, указывая, что ядром феномена, который описан в отчёте *Runnymede Trust*, является *антимусульманство* [15]. Другие авторы, согласившись с анализом

ситуации в докладе, обращали внимание, например, на то, что способ, каким исламофобия была в нём сформулирована, позволяет обвинить в дискриминации всех тех, кто критически смотрит на ислам [16]. К концепции исламофобии скептически отнеслись многие мусульманские организации в Европе, представителям которых известно о всеобщей антипатии к исламу, выраженной во многих формах расизма; они не хотели рассматривать себя в качестве жертв, а также боялись, что исламофобия может стать новым антисемитизмом. В связи с интенсивностью антимусульманских настроений они быстро усвоили новый дискурс в качестве инструмента мобилизации, подчеркнув положительные аспекты бытия европейских мусульман [17]. Учитывая несовершенство термина *исламофобия*, в тексте мы будем употреблять его в значении, в котором рассматривал его Блайх (*Bleich*), то есть как обобщение отрицательных взглядов или чувств в отношении ислама или его приверженцев [18]. В первую очередь кратко рассмотрим размер враждебности к исламу и мусульманам в контексте Европы и Польши.

Одним из основных аспектов исламофобии является историческое измерение. Негативное отношение к исламу – явление старое, как стар исторический ислам. Хотя термин *исламофобия* был создан в конце XX в., не нужно забывать о четырнадцати веках напряжённых отношений между Европой и мусульманским миром, основанных на взаимном незнании, предрассудках и ложных изображениях [19]. Формированию упрощённого образа ислама в Европе способствовали в одинаковой степени религиозные деятели, поэты, писатели, а также и путешественники⁵. Отрицательные мнения об исламе и мусульманах, популяризируемые в Европе столетиями, сложились как картина «другого/чужого», представленная сначала в лице сарацинов, а затем турков-османов. Как замечает Бургат (*Burgat*), в оппозицию к этому «другому/чужому» была сформирована европейская культурная и политическая идентичность [21, р. 22]. В Польше, несмотря на многие десятилетия мирного сотрудничества, активных политических, культурных и коммерческих контактов с мусульманским миром, в историографии подчёркивается элемент конфликта. Это делается прежде всего для того, чтобы построить концепцию Польши – оплота христианства (*Polonia antemurale Christianitatis* [22]). Современная исламофобия имеет историческое происхождение именно потому, что основывается на этом наследстве взаимного непонимания.

Как в Польше, так и в Европе исламофобия имеет существенный религиозный масштаб. Она принимает форму религиофобии – отвращение к священному (*sacrum*) в общественной сфере, независимо от того, в какой форме оно выражается. В этом смысле некоторые авторы указывают на двойную дискриминацию, с которой каждый день сталкиваются мусульманские граждане Западной Европы, воспринимаемые согражданами не только как представители религии

⁵ Святой Иоанн Дамаскин (675–749) сказал, что Мухаммед был не пророком, а обманщиком, который «написал» (так!), что Коран заимствует учения из Ветхого и Нового Завета. Данте Алигьери (1265–1321) в «Божественной комедии» описал Мухаммеда и Али (его кузена), страдающих в муках ада. Вольтер (1694–1778) в трагедии «Фанатизм, или Пророк Магомет» обвиняет мусульман в экстремизме, насилии и фанатизме. Путешественник Вольней (1757–1820) в работе «Путешествие в Сирию и Египет» написал, что Коран – это «одно из самых абсурдных и самых глупых человеческих произведений» (подробнее о формировании упрощённого образа ислама см. [19, 20]).

«культурно чуждой»), но также и как люди, которые не боятся публично демонстрировать свою религиозность [23]. Волнение, вызванное публичной манифестацией религиозности европейских мусульман, часто является не столько результатом соперничества между двумя религиозными течениями (христианским и мусульманским), сколько последствием требования внимания к духовной сфере в обществе, утверждающем ненужность интервенции государства в этой сфере. По мнению Асада, отвращение, связанное с требованиями признания мусульманского *sacrum* в публичной сфере, является следствием характера современного либерального государства, в котором естественным местом религии считается личная сфера, а в публичной она допускается только в форме религиозных организаций. Много критики вызывает ситуация, в которой *sacrum* (особенно *sacrum* религиозных меньшинств) входит в публичную сферу в иной форме, чем общепринятые религиозные организации [24]. В контексте польского религиозного масштаба исламофобия прежде всего связана с идеей повторной христианизации Европы с помощью католической Польши, где 43% общества регулярно принимает участие в богослужениях [25]. Идея повторной христианизации, в свою очередь, тесно связана с вышеупомянутой концепцией Польши, выступающей в качестве бастиона христианства. Одним из журналов, который активно продвигает идею повторной христианизации и часто использует негативные образы мусульманских общин в Европе и во всём мире, является ежемесячник *Polonia Christiana*⁶.

Убеждение в том, что ислам является нетерпимой и агрессивной религией, имеет также очень важный политический аспект, в частности в тех странах, где иммиграция является важнейшей темой публичных дебатов. Как отмечают Шаид и Кониингсвелд (*Shadid, Koningsveld*), стигматизация ислама, происходящая вследствие приписывания ему различных ценностей, противоположных тем, которые ценит Запад, стала в последние годы одним из главных мобилизационных инструментов всякого рода правых партий стран Западной Европы (см. [27]). Сегодня мусульманскими экстремистами пугает избирателей не только французский «Национальный фронт», но также «Британская национальная партия» и много других крайне или умеренно правых политических группировок в Европе. Например, с 2001 г. беседа об исламофобии составляет интегральную часть идейной платформы фламандских националистов. Лучшим доказательством эффективности использования данного дискурса как способа увеличения политического капитала являются результаты выборов партии «Фламандский интерес» (*Vlaams Belang* – бывший «Фламандский блок» (*Vlaams Blok*)). Анти-мусульманские политические партии пользуются популярностью и в других европейских странах. Герт Вилдерс (*Geert Wilders*) вошёл недавно в коалиционное правительство Голландии, «Шведские демократы» преодолели 5% избирательный порог, а швейцарские популисты блокировали строительство минаретов на территории Швейцарии. Как уже упоминалось в начале, исламофобические высказывания также можно услышать от польских политиков. Хотя в нашей стране приток иммигрантов не является предметом политических дебатов, многие политики чувствуют себя обязанными защищать Европу от мусульман,

⁶ Подробнее о данном ежемесячнике см. [26].

часто имея небольшое представление о сложности западноевропейских обществ, а также о том, что большинство проживающих в них мусульман являются полноправными гражданами Европы. Одной из попыток использования враждебности к исламу и мусульманам в качестве построения политического капитала на местном уровне была инициатива политиков партии «Право и справедливость», членов совета Варшавы, протестовавших против расширения строительства мечети Ассоциацией Ахмадия в варшавском районе Влохи (*Włochy*)⁷.

Упрощённые изображения ислама и мусульман в современной Европе, включая Польшу, распространяются в первую очередь средствами массовой информации, в том числе с помощью Интернета. В этом смысле современная исламофобия имеет очень серьёзный медийный масштаб, а общественные страхи и опасения перед исламом и мусульманами являются в большой степени медийными страхами. Европейцы, а среди них и поляки получают информацию на тему ислама и мусульман именно там. Например, по данным опроса, проведённого *YouGov* в Великобритании, почти 65% СМИ были основным источником информации об исламе [28]. Для того чтобы понять роль средств массовой информации в продвижении упрощённого образа ислама, следует помнить о философии действия СМИ, а также о том, что информация, которую они подают, не только отражает существующее положение вещей, но также активно формирует его. Как правильно замечает Геиссер (*Geisser*), квинтэссенцией медийной исламофобии является не столько демонизация мусульман в средствах массовой информации (потому что ни один профессиональный журналист априори не стремится представить негативный образ ислама), сколько тенденция к унификации полученных от них мнений и упрощению их взглядов таким образом, чтобы вписывались в существующие представления. В этом смысле СМИ, по мнению автора книги *La nouvelle islamophobie*, не формируют исламофобию, но утверждают её через использование «здравомыслящих» взглядов на ислам. На практике «здравомыслящие» взгляды на ислам формируются путём отбора соответствующих тем статей и докладов (обычно описывающих различные проявления фундаментализма и интегризма), выводов «экспертов», представителей мусульманской общины, фотографии и т. д. [23].

Здесь стоит отметить значительные изменения в медиа-презентации мусульманских стран в Польской Народной Республике после падения коммунизма. До 1989 г. исламские страны были частью «дружественного мира» и, следовательно, существовал запрет в СМИ изображать их в негативном свете. После 1989 г. появление свободных средств массовой информации сопровождалось усилением диверсификации мнений об исламе и мусульманах [29]. Этот вопрос был поднят уже в начале 90-х годов (как и сейчас) в основном в связи с внешней ситуацией (войны в Ираке, Афганистане, теракты 11 сентября, 11 марта и 7 июля). В последнее время вопросы, связанные с функционированием отечественной мусульманской общественности, предметом дискуссии становились значительно реже, а если они попадали в газеты и информационные программы, то обычно не вызывали широких публичных дебатов (одним из исключений была дискуссия, касающаяся запрета ритуального забоя, затрагивающего интересы

⁷ Подробнее об этом см. [27].

фермеров). Таким образом, значительное количество факторов, способствующих упрощённой презентации ислама, являются экзогенными. Интересно, что степень критики мусульман национальными средствами массовой информации уже в 90-е годы вызывала беспокойство экспертов. Один из них, арабист, профессор Януш Данецки, заметил в 1994 г., то есть задолго до «войны с терроризмом», что «ни в Германии, ни в Великобритании, где существуют большие проблемы с иммигрантами из мусульманского мира, пресса так критически не относилась к ним, как в Польше» [30]. Участие польской армии в военных операциях в Ираке и Афганистане и связанные с ними жертвы привели к ухудшению отношения национальных СМИ к исламу и мусульманам. В сообщениях таких СМИ подчёркивается прежде всего «естественная склонность мусульман к насилию и агрессии», но факты, которые признаны это доказать, как правило, весьма преувеличены⁸.

Исламофобия в Польше в свете исследований

Хотя и существуют публикации, в которых исследуется презентация ислама и мусульман (особенно арабов) в польских СМИ [29], школьных учебниках [32] и на дискуссионных группах в Интернете [33], до сих пор отсутствует систематическое изучение различных аспектов национальной исламофобии, в том числе механизмов конструирования мусульманской «чуждости» и «незнакомости» (и «привычности» в случае татар), а также нет надёжной статистики. На помощь статистике приходят общеевропейские доклады, в которых Польшу рассматривают в сравнительной перспективе. Одним из них является доклад на тему нетерпимости, предубеждений и дискриминации, подготовленный европейскими исследовательскими институтами по заказу Фонда имени Фридриха Эберта. По данным доклада, 47% поляков считают, что «в Польше проживает слишком много мусульман», и 62% полагают, что «мусульмане являются чрезмерно требовательными». Для сравнения: во Франции, которая является страной ЕС с наибольшим количеством мусульманского населения, 36% респондентов согласились с первым мнением, а 52% – со вторым. Из числа 8 исследуемых народов поляки оказались тем обществом, которое наиболее критически видит ислам в религиозном и культурном аспекте. Почти 62% респондентов в Польше согласились с утверждением, что «ислам является религией нетерпимости». Каждый пятый признал, что мусульманская культура вписывается в польское/европейское общество. Для сравнения: в Германии, которая занимает второе место в Евросоюзе по численности мусульманского населения, 52% опрошенных признали ислам религией нетерпимости, а в Великобритании – третьем европейском государстве по величине мусульманского населения – 39% респондентов согласились с утверждением, что мусульманская культура соответствует их стране/Европе [34].

Национальные опросы о симпатии и антипатии поляков к другим народам и обзоры по иммиграции подтверждают данные отчётов и указывают на высокий уровень опасений поляков относительно ислама и мусульман. В Польше

⁸ Подробнее о методах работы СМИ и презентации информации на тему ислама и мусульман см. [31].

арабы в большинстве случаев приравнены к мусульманам. В исследованиях *CBOS* с 2002 по 2012 г. данная «национальная группа» (вместе с цыганами) ежегодно имела самый низкий уровень симпатии и самый высокий индекс антипатии [35]. Кажется, что новые мусульманские группы в Польше, как правило, исключены из процесса «приобщения», когда в результате многолетних контактов поляков с иностранцами происходят мутации «незнакомого» в «чужака», то есть повышается уровень знакомства и конкретизации категорий иммигрантов в стране [36]. Недавний опрос *PBS* по заказу Фонда *Inna Przestrzeń* показывает, что отношение поляков к иммигрантам меняется очень медленно. Две трети опрошенных не хотели бы увеличения количества иммигрантов, опасаясь, что они будут занимать рабочие места, уничтожать польские традиции и принесут угрозы и конфликты. Например, на вопрос «должна ли Польша более, чем когда-либо, стимулировать граждан стран Африки, Азии и Восточной Европы, чтобы поселились у нас» 67% респондентов ответили отрицательно, в то время как лишь пятая часть положительно. 64% считают, что иммигранты отнимают рабочие места у поляков, а 58% убеждены, что большее число иммигрантов нарушило бы польские традиции и национальную целостность. Только 35% поляков согласились с утверждением, что «во всём мире иммигранты талантом и трудолюбием поддерживают развитие стран, в которых они оседают», а 53% убеждены в обратном [37]. Тем самым полякам не удаётся рассмотреть демографический и экономический потенциал иммигрантов, они отмечают только отрицательные стороны миграции, связанные с поступательной депопуляцией и старением страны.

Поляки негативно относятся к приезду в страну людей из мусульманских стран. Это отношение выражается, между прочим, в популярности проектов защиты нашей страны и Европы от предполагаемого религиозного мусульманского вторжения. Одним из таких проектов является кампания «Нет исламизации Европы». Её польская страница на сайте социальной сети *Facebook* имеет 170.000 подписчиков, регулярные записи представляют собой вариации распространённого в антимусульманских группах лозунга: «Покупая кебаб, предоставляешь жильё арабам». Популярность этого вида инициатив и результаты исследований побуждают некоторых учёных полагать, что в Польше мы имеем дело с «платонической исламофобией», то есть явлением сильных антимусульманских настроений с одновременным отсутствием значительного мусульманского населения [32].

Одно из объяснений значительного отвращения к «незнакомым мусульманам» в этнически и религиозно однородном обществе – Польше – можно найти в исследованиях Линкольна Киллиана (*Lincoln Quillian*) [38], человека, который анализировал эволюцию предубеждений в современной Европе на основе опросов *Евробарометра*. Он показал, что не число иммигрантов и людей, воспринимаемых в стране как «незнакомые», влияет на уровень предрассудков и ксенофобии, а общее восприятие угрозы. Согласно этой логике можно ожидать, что ксенофобия будет сильнее в этнически однородных, чем в разнородных обществах. Вышеупомянутое изучение европейской нетерпимости и предрассудков, кажется, подтверждает тезис Киллиана по отношению к Польше. В то же время Киллиан

при разработке концепции предубеждения Блумера обращает внимание на важнейшую роль посреднических сил в создании коллективных предрассудков. В современном мире так называемого «возврата изображения» [39] значительную роль играют прежде всего средства массовой информации, которые для многих людей являются основным источником информации об окружающем мире. Следовательно, нарративизация и изображения, используемые журналистами, значительно определяют то, каким образом жители данной страны воспринимают определённые группы, меньшинства. Журналисты пытаются учесть в своих работах вкусы аудитории и действовать в рамках существующего «здоровомыслящего» взгляда. Это явление входит в состав основных положений теории коммуникации, которая объясняет, что лидеры общественного мнения, как правило, влияют на представление социальной реальности таким образом, чтобы эти мнения были в согласии с нормами, ценностями и идеями общества, к которому они принадлежат [40].

Важную роль в формировании конкретного дискурса об исламе и мусульманах как в польских, так и в европейских СМИ имеет информационная ценность сообщения. В таких сообщениях ценность информации напрямую связана с сенсационностью. Результатом этого является распространение информации об исламе и мусульманах в основном в виде «исключительных случаев». Как отметил Стефано Аллиев (Stefano Allievi), такие «случаи», вызывающие широкий спектр споров вокруг ислама и мусульман (от аферы Рушди до возражения против датских карикатур Пророка), являются одной из форм «герменевтических инцидентов». Они имеют не только краткосрочные последствия в качестве примеров «мини-столкновения цивилизаций», но и долгосрочные последствия, становясь фиксированной точкой апелляции в интерпретации ислама и его приверженцев [41]. Таким образом, эти медийные события приобретают форму исторических памятников в коллективной памяти – инструментов, через которые формируется социальная память. Менее существенно то, что большинство такого рода «инцидентов» происходило за рубежами Польши и не имело прямого отношения к нашей стране.

Мусульманские предохранительные стратегии

Важно также изучить то, как мусульмане, живущие в Польше, относятся к местным социальным правилам и чувствам поляков по отношению к их религии. В последнее время в Малопольском воеводстве проводятся количественные исследования с крупнейшей группой иммигрантов, в том числе с группой иностранцев из стран *MENA* (*Middle East & North Africa*). Данные исследования показали, что если восприятие принимающего общества было в целом положительным, то граждане стран Ближнего Востока и Северной Африки часто оценивали отношение поляков к себе как «нейтральное» или «скорее недружественное». В других исследовательских группах, среди армян, украинцев и вьетнамцев, этот тип чувств выявлялся гораздо реже. Кроме того, в углубленных и групповых интервью граждане стран *MENA* вспоминали стереотипное восприятие их как «мусульман-террористов» и указывали на ведущую роль средств массовой информации в популяризации этого вида упрощения. Они отмечали, что, помимо прочего, «нас [польских мусульман] очень раздражают масс-медиа. Потому что

в каждом народе есть эти 10% плохих людей, а СМИ распространяют этот образ на всех жителей региона» [9, s. 222]; к тому же, по их мнению, единственной информацией об их регионе являются сообщения о террористических покушениях. Многие респонденты из стран *MENA* жаловались и на то, что как СМИ, так и общество не замечают отличий между иранцами, турками, арабами, курдами или берберами. Участники с Ближнего Востока и Северной Африки, например, заявили, что «...всегда всех вбрасывают в одну корзину. Для рядового поляка пакистанец, афганец или албанец значит араб. Для поляка турок и иранец это часто одно и то же... Я не говорю уже о том, что арабы из Азии отличаются от арабов из Африки, как и Иордания, Ливан, Палестина, Сирия и Ирак отличаются от Египта, Ливии, Туниса, Алжира или Марокко» [9, s. 223].

Исследуемые автором мусульмане, которые происходят из разных социальных групп и представляют мусульманскую общественность в Польше (в том числе татары, иммигранты, новообращённые и студенты), указывали на изменение отношения общества к исламу после того, как польские солдаты начали принимать активное участие в военных операциях в Ираке и Афганистане. Они замечали, среди прочего, что «мы [польские мусульмане] являемся, пожалуй, единственным меньшинством, чьи убеждения и жизнь общины имеют публичный характер. Средства массовой информации и общество считают нас угрозой культуры, цивилизации, страны и безопасности» [7, p. 19].

В то же время углубленные опросы указывали на выразительные групповые отличия в восприятии общегосударственных опасений в отношении ислама. Например, мусульмане-неофиты жаловались на то, что если религиозная идентичность татар и иммигрантов из мусульманских стран считается признаваемой (хотя и проблематичной), то социальная приемлемость их личности отсутствует и сами они очень часто рассматриваются как «предатели и пятая колонна». Одним из аспектов социальной реальности, который глубоко тревожит всех респондентов, независимо от групповой принадлежности, является предвзятый подход к мусульманской религиозной идентичности. У многих респондентов создаётся впечатление, что когда они сообщают о своей религиозной принадлежности, то все остальные элементы их идентичности (вне религии) для слушающего уже не имеют значения. Один из респондентов, например, сказал: «Я не хочу постоянно отвечать на одни и те же вопросы и чтобы меня рассматривали только как мусульманина. Не хочу постоянно доказывать, что мы не верблюды и что мы нормальные». В том же духе другой респондент говорил: «Мусульмане должны постоянно оправдываться за Бен Ладена, ВТЦ, избиение женщин, бурки, и т. д. Я не знаю ни одного другого меньшинства, которое непрерывно должно что-то объяснять» [7, p. 19].

Как показал опрос мусульманских общин в Европе, их представители по-разному реагируют на то, что почти в одночасье стали «подозрительным сообществом» [42]. Некоторые из членов общин, владеющие соответствующими культурными ресурсами, используют связанную со стигматизацией ислама заинтересованность в мусульманстве, активно участвуют в общественной сфере, эффективно демонстрируя свою религиозность в деятельности [17]. Многие мусульмане, однако, предпочитают не раскрывать свою веру в публичной сфере, не желая противостоять окружающей социальной среде. С этим типом поведения

мы часто имеем дело в Польше, где цена так называемого *coming out* для многих мусульман слишком высока и они не хотят рисковать потерей рабочего места, социального статуса и безопасности. Другие мусульмане предпочитают публично признавать свою веру, но не хотят постоянно извиняться за действия своих единоверцев из различных частей света или дискутировать об их религии в публичной сфере, считая, что её место принадлежит частной. Часть польских мусульман утверждали, что сегодня быть сторонником ислама значит иметь статус звезды, но не все хотят быть знаменитостями. В ситуации нехватки решительных действий государства для борьбы с разными формами исламофобии в различных сферах общественной жизни, польские мусульмане зачастую вынуждены её противопоставлять, используя те инструменты, которые они имеют в своём распоряжении. Одной из инициатив является, например, организация мусульманских дней культуры в мусульманских центрах Польши [7].

Заключение

Польское общество после падения коммунизма получило не только возможность более полного участия в жизни международной общественности, но также шансы расширения своих ментальных рубежей. В то же время, активно участвуя в процессах глобализации на политическом, экономическом и культурном уровнях, наше общество не может избежать серьёзных страхов и опасений, связанных с этими процессами. С окончанием Холодной войны и исчезновением бывшего врага в виде коммунизма мир, и в том числе Польша, начал искать нового врага – «инога». Для многих таким новым ментальным врагом стал мусульманский мир в наиболее упрощённом, искажённом виде. Популярная концепция столкновения цивилизаций, история конфликта между Западом и исламским миром, а также «войны с террором» и террористические покушения, которые проводятся во имя Аллаха, – это лишь некоторые факторы, помогающие многим людям поддерживать убеждение о «мусульманской угрозе». В основе этого убеждения лежат не только предвзятые и однобокие изображения мусульманских общин и обществ, но и религиозный детерминизм, который утверждает, что ислам полностью предопределяет социальное и политическое поведение мусульман. В то же время категория «мусульманин» перестала быть лишь определением религиозной идентичности и стала играть роль этнической, социальной и других видов идентичности. Как было показано выше, такой способ мышления об исламе и о его приверженцах весьма широко распространён в Польше. В этой статье были выявлены главные аспекты исламофобии в Польше и было показано, как национальные и международные средства массовой информации способствуют популяризации упрощённых изображений ислама и его верующих. Поведение небольшого мусульманского сообщества, частично состоящего из татар, проживающих с XIV в. у польских границ, кажется, в данном случае мало изменилось. Исследование показало, что причина распространённого в Польше страха перед исламом и его приверженцами кроется не в самом факте проживания мусульман в стране, а в их небольшом количестве и слабой элите, с которой они живут в полной изоляции.

Summary

K. Pędziwiatr. Islamophobia in Poland in the Light of Latest Social Research.

The article highlights the main aspects of Islamophobia in Poland – a country where Muslim communities constitute less than 0.1% of the population. It analyses the reasons behind higher levels of anti-Muslim sentiments in Polish society in comparison with other European countries and assesses the sources which form a simplified and distorted image of Islam and Muslims in Europe in general and Poland in particular. The paper also points out some of the key strategies employed by Polish Muslims to overcome negative attitudes towards Islam and its adherents.

Keywords: Islam in Poland, Muslim community in Poland, Islamophobia.

Литература

1. *Pędziwiatr K.* “The Established and Newcomers” in Islam in Poland or the Inter-Group Relations within the Polish Muslim Community // Muslims in Poland and Eastern Europe. Widening the European Discourse on Islam / Ed. by K. Górak-Sosnowska. – Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu, 2011. – P. 169–182.
2. Сайт Euroislam. – URL: <http://www.euroislam.pl/index.php/stowarzyszenie/o-nas/>, свободный.
3. Skończymy jak Rzym, przyjdą barbarzyńcy, przyjdą muzułmanie // Onet Wiadomości. – URL: <http://wiadomosci.onet.pl/kraj/skonczymy-jak-rzym-przyjda-barbarzyncy-przyjda-muzulmanie/d05yt>, свободный.
4. Zatrzymano pociąg, bo pasażerkę przestraszył modlący się muzułmanin // Onet Wiadomości. – URL: <http://wiadomosci.onet.pl/warszawa/zatrzymano-pociag-bo-pasazerke-przestraszyl-modlacy-sie-muzulmanin/0nv5r>, свободный.
5. *Pędziwiatr K.* Od islamu imigrantów do islamu obywateli: muzułmanie w krajach Europy Zachodniej. – Kraków: Nomos, 2007. – 263 s.
6. *Stola D.* Kraj bez wyjścia? Migracje z Polski 1949–1989. – Warszawa: IPN, 2010. – 534 s.
7. *Pędziwiatr K.* Muslims in Contemporary Poland // Muslims in Visegrad Countries / Ed. by J. Bureš. – Prague: Anna Lindh Foundation and Visegrad Fund, 2011. – P. 10–24.
8. *Warmińska K.* Tatarzy polscy – tożsamość kolektywna grupy w kontekście regulacji ustawowych // Przegląd Tatarski. – 2011. – No 2 (10). – S. 17–21.
9. *Brzozowski J., Pędziwiatr K.* Analiza procesu integracji imigrantów w Małopolsce // Imigranci w Małopolsce: między integracją, asymilacją, separacją i marginalizacją. – Kraków: Akademia Ignatianum, 2014. – S. 117–240.
10. *Quellien A.* La Politique Musulmane Dans L’Afrique Occidentale Francaise. – Paris: Hachette Livre-BNF, 1910. – 304 p.
11. *Said E.W.* Orientalism. – London: Penguin, 1978. – 368 p.
12. *Delanty G.* Inventing Europe: Idea, Identity, Reality. – London: Macmillan, 1995. – 187 p.
13. *Runnymede-Trust.* Islamophobia: Challenge for Us All. – London: Runnymede Trust, 1997. – 69 p.
14. *Halliday F.* Islam and the Myth of Confrontation: Religion and Politics in the Middle East. – London: I.B. Tauris, 1995. – 257 p.
15. *Halliday F.* “Islamophobia” reconsidered // Ethnic and Racial Stud. – 1999. – V. 22, No 5. – P. 892–902.
16. *Nielsen J.S.* Muslims in Western Europe. – Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2004. – 195 p.

17. *Pędziwiatr K.* Islam and Empowerment of the New Muslim Religious Brokers in Europe // *Dangerous Others, Insecure Societies* / Ed. by M. Lianos. – Aldershot: Ashgate, 2013. – P. 39–50.
18. *Bleich E.* What Is Islamophobia and How Much Is There? Theorizing and Measuring an Emerging Comparative Concept // *Am. Behav. Sci.* – 2011. – V. 55, No 12. – P. 1581–1600.
19. *Esposito J.* *The Islamic threat: Myth or reality?* – N. Y.: Oxford Univ. Press, 1992. – 352 p.
20. *Daniel N.* *Islam and the West: The Making of an Image.* – Oxford: Oneworld Publ., 1997. – 467 p.
21. *Burgat F.* Veils and Obscuring Lenses // *Modernizing Islam: Religion and the Public Sphere in Europe and the Middle East* / Ed. by J. Esposito, F. Burgat. – New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press, 2003. – P. 17–41.
22. *Tazbir J.* *Szlachta i teologowie. Studia z dziejów polskiej kontroreformacji.* – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1987. – 318 s.
23. *Geisser V.* *La nouvelle islamophobie.* – Paris: La Découverte, 2003. – 122 p.
24. *Asad T.* *Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity.* – Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 2003. – 280 p.
25. *Diagnoza społeczna 2013. Warunki i jakość życia Polaków. Raport* / Red.: J. Czapiński, T. Panek. – Warszawa, 2014. – 576 s.
26. *Polonia Christiana.* – URL: <http://www.pch24.pl/>, свободный.
27. *Pędziwiatr K.* *Warszawskie spory meczetowe* // *Biuletyn Migracyjny.* – 2012. – No 39.
28. *Ahmed S.T.* *Young Muslims and Muslim Media in Britain* // *New Media, Technology and Everyday Life in Europe: Conference.* – London, 2003. – P. 150.
29. *Nalborczyk A.* *The Image of Islam and Muslims in the Polish Mass Media before and after 11 September 2001* // *TRANS: Internet-Zeitschrift für Kulturwissenschaften.* – 2004. – V. 15. – http://www.inst.at/trans/15Nr/01_4/nalborczyk15.htm, свободный.
30. *Europejczycy dyskryminują muzułmanów – wywiad z profesorem Januszem Daneckim* // *Rzeczpospolita.* – 15.12.1994.
31. *Pędziwiatr K.* *Muslims in the Polish Media – the New Folk Devil?* // *Arches Quarterly.* – 2010. – V. 4, No 7. – P. 89–95.
32. *Górak-Sosnowska K.* *Wizerunek islamu w Polsce na przykładzie podręczników szkolnych* // *Islam i obywatelskość w Europie: Praca zbiorowa.* – 2006. – S. 237–251.
33. *Górak-Sosnowska K.* *Deconstructing Islamophobia in Poland. Story of an Internet Group.* – Warsaw: Univ. Warsaw, 2014. – 128 p.
34. *Zick A.* *Intolerance, Prejudice and Discrimination: A European Report.* – Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2011. – 189 p.
35. *Stosunek Polaków do innych narodów, CBOS.* – Warszawa: Fundacja Centrum Badania Opinii Społecznej, 2012. – 13 s.
36. *Grzymala-Kazłowska A.* *Konstruowanie “innego”: wizerunki imigrantów w Polsce.* – Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2007. – 284 s.
37. *Suchocka J., Urzędowska M., Pacewicz P.* *Polska dla Polaków. Dwie trzecie Polaków nie chce u nas więcej imigrantów* // *Gazeta Wyborcza.* – 2013. – Październik 25.
38. *Quillian L.* *Prejudice as a Response to Perceived Group Threat: Population Composition and Anti-Immigrant and Racial Prejudice in Europe* // *Am. Sociol. Rev.* – 1995. – V. 60, No 4. – P. 586–611.

-
39. *Sztompka P.* Socjologia wizualna: fotografia jako metoda badawcza. – Warszawa: PWN, 2005. – 149 s.
 40. *Shadid W.A., Koningsveld P.S.* Religious Freedom and the Neutrality of the State: The Position of Islam in the European Union. – Leuven: Peeters, 2002. – 211 p.
 41. *Allievi S.* Islam in the Public Space: Social Networks, Media and Neo-Communities // Muslim Networks and Transnational Communities in and across Europe / Ed. by S. Allievi, S. Nielsen. – Leiden: Boston: Brill, 2003. – P. 1–27.
 42. *Hickman M., Silvestri S., Thomas L.* A comparative study of the representations of “suspect” communities in multi-ethnic Britain and of their impact on Muslim and Irish communities, 1974–2007 // Economic and Social Science Research Council. – 2011. – P. 20.

Поступила в редакцию
22.10.14

Педзивиатр Конрад – доктор социологических наук, сотрудник Департамента европейских исследований, Экономический университет в Кракове, г. Краков, Польша и Университет Содерторн, г. Стокгольм, Швеция.
E-mail: k.pedziwiatr@gmail.com